

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ПРОСТРАНСТВО «ШЕЛКОВОЙ ДЕМОКРАТИИ».
ИСЛАМ И ГОСУДАРСТВО**

АЛМАТЫ 2017

УДК
ББК
Ц

Авторский коллектив:

Эльмира Ногойбаева, политолог (редактор)
Санат Кушкумбаев, доктор политических наук
Фарход Толипов, кандидат политических наук (PhD)
Абдугани Мамадазимов, кандидат политических наук, доцент
Тамерлан Ибраимов, кандидат юридических наук
Сардор Салимов, политолог

Татьяна Панченко – корректор

Ц **Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. Под редакцией Э.Ногойбаевой. Алматы, 2017. – 52 с.**

ISBN

В данной работе эксперты Almaty-Club продолжают цикл размышлений о Центральной Азии в социально-политическом контексте, обозначенном как – «Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Это вторая часть из данного цикла. На этот раз авторы рассматривают проблему взаимодействия ислама и государства, анализируя динамику изменений в странах региона. За основу работы взяты три подхода. Первый – динамика изменений с 1991 по 2016 г в инфографиках. Второй – страновые перспективы. И третий – сравнительная картина через практики 4 стран: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Здесь можно увидеть изменения политик данных государств относительно религий и ислама за весь период независимости по 2016 г, а также ознакомиться с опытом институционализации религиозной сферы. Работа рассчитана на политологов, религиоведов, историков, а также широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития демократических процессов в Центральной Азии в целом.

УДК
ББК

ISBN

© Фонд им. Фридриха Эберта 2017

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ПОРТРЕТ ИЗМЕНЕНИЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ (ИНФОГРАФИКИ).....	5
ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ПОЛИТИКА И ИСЛАМ.....	13
УЗБЕКИСТАН: ИСЛАМСКИЙ РЕНЕССАНС И ВНУТРЕННЯЯ ДИЛЕММА БЕЗОПАСНОСТИ.....	14
ИСЛАМ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ОБЩНОСТЬЮ И РАЗМЕЖЕВАНИЕМ.....	24
ТАДЖИКИСТАН. ИСЛАМ И ПОЛИТИКА.....	34
КЫРГЫЗСТАН. ПОЛИТИКА И ИСЛАМ.....	40
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ.....	47
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Какова роль и значение ислама в странах Центральной Азии (ЦА), еще недавно атеистических и советских? Является ли это:

- возвращением назад, к истокам;
- серьезным риском и угрозой;
- выбором обществ;
- инструментом мобилизации для государств;
- иллюзией.

Как на это можно посмотреть, через какие призмы и линзы? Ответы на эти вопросы сегодня ищут многие исследователи. Однако динамика изменений настолько высока, а сам предмет столь многогранен и деликатен, что полностью проанализировать этот процесс пока довольно сложно.

САРГ «Almaty club», в котором участвуют исследователи из четырех стран Центральной Азии: Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, предлагает свое видение в трех ракурсах:

I. Динамика изменений с 1991-го по 2016 год в инфографике

II. Страновые перспективы

III. Сравнительная картина через практики 4 стран

Мы надеемся, что данный подход даст толчок для более углубленного анализа процесса исламизации. Как происходит исламизация? Как государства пытаются регулировать данные процессы? Каким образом политика безопасности (секьюритизация) влияет на отношение к исламу государства и общества?

ПОРТРЕТ ИЗМЕНЕНИЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Нормативно-правовые акты, регулирующие религиозную сферу

Законодательство

КАЗАХСТАН
Конституция РК,
1995 г.

КЫРГЫЗСТАН
Конституция КР, 1993 г.,
с изменениями 2016 г.

УЗБЕКИСТАН
Конституция РУз,
08.12.1992 г.

ТАДЖИКИСТАН
Конституция РТ,
6 ноября 1994 г.

Конституция

Законы, нормативы, концепции

Закон РК от 11.10.2011г. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»

Закон «О вероисповедании и религиозных организациях в КР». 31 декабря 2008 г.

Указ президента КР «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014 года №24

Закон о свободе совести и религиозных организаций РУз, 14.06.1991 г.

Положение о порядке проведения государственной религиозно-экспертизы материалов религиозного содержания (Приложение №2 к Постановлению КМ РУз от 20.01.2014г.)

Закон Республики Таджикистан "О свободе совести и религиозных объединениях" от 26 марта 2009 года №489

Закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 8 июня 2007 года №272

Государственная концепция по вопросам религии, 2017 г.

Общая государственная политика в сфере религии формируется в специализированных государственных органах, а непосредственная координация действий в мусульманской среде относится к негосударственным институтам, обозначенным в странах ЦА как «духовное управление мусульман» (только в Таджикистане это исламский центр – Совет улемов).

Специализированные институты

Государственные и негосударственные

Государственные

Негосударственные

КАЗАХСТАН

Министерство по делам религий и гражданского общества

КЫРГЫЗСТАН

Государственная комиссия по делам религий КР

УЗБЕКИСТАН

в Аппарате Президента РУз ранее была создана служба по религиозным делам, которой руководил советник Президента

Комитет по делам религии при кабинете министров РУз (создан 07.03.1992г.)

ТАДЖИКИСТАН

Комитет по делам религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при правительстве Республики Таджикистан

Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), 12 января 1990 г.

Духовное управление мусульман КР

Фонд развития духовной культуры «Ыйман» (инициирован президентом КР) в 2014 г.

Духовное управление мусульман Узбекистана (ДУМУ)

Исламский центр Совет улемов РТ

Религиозная сфера также регулируется через различные концептуальные документы: стратегии, концепции.

Концепции, стратегии и соглашения

- 1 Концепция развития религиозного образования до 2020 года (2015 г., ДУМ К)
- 2 Концепция государственной политики Республики Казахстан в сфере религии на 2017-2020 гг.

- 1 Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014 - 2020 гг.
- 2 Национальная стратегия устойчивого развития КР на 2013-2017 гг.
- 3 Проект Концепции религиозного и религиозоведческого образования в Кыргызстане.

- 1 Национальная стратегия развития РТ на период до 2030 года (НСР-2030)

- 1 Стратегия развития Узбекистана на 2017-2021гг., принята Указом Президента в январе 2017 г.

Показательными параметрами религиозного образования в четырех странах ЦА являются:

I. Динамика роста количества мечетей и медресе

Информация по динамике роста доступна только по Кыргызстану и Казахстану.

- В Кыргызстане с 2009-го по 2015 год количество увеличилось с 1 973 до 2 669.
- В Казахстане с 1991 года по 2016 год количество увеличилось с 68 до 2 516.

Количество мечетей и медресе

Соответственно, с увеличением количества мечетей возрастает и количество имамов.

Соотношение количества имамов с населением показывает, что:

- больше всего имамов в Таджикистане: 1 имам на 2 210 человек
- меньше всего в Узбекистане: 1 имам на 7 824 человек.

Количество имамов по странам ЦА

Религиозное, в данном случае исламское образование также имеет тенденцию к росту. Особенно это касается Кыргызстана, где один исламский университет, девять исламских институтов, 102 медресе (из них 88 действующих).

Исламские учебные учреждения

13

1 университет, 1 институт повышения квалификации, 9 медресе, 2 центра подготовки чтецов Корана, действующих 13

112

1 исламский университет, 9 исламских институтов, 102 медресе, действующих 88

1

1 государственный исламский институт, действующих 1

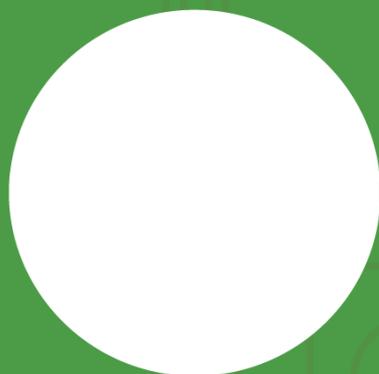

11

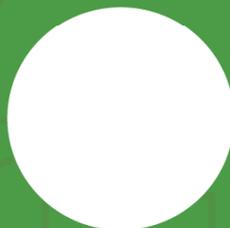

2 исламских института, 9 медресе, действующих 11

Количество исламских учебных учреждений на душу населения

1 на 68,4 тыс человек
КЫРГЫЗСТАН

1 на 1,36 млн человек
КАЗАХСТАН

1 на 3,21 млн человек
УЗБЕКИСТАН

1 на 8,65 млн человек
ТАДЖИКИСТАН

Религия и повседневность. Религиозные праздники

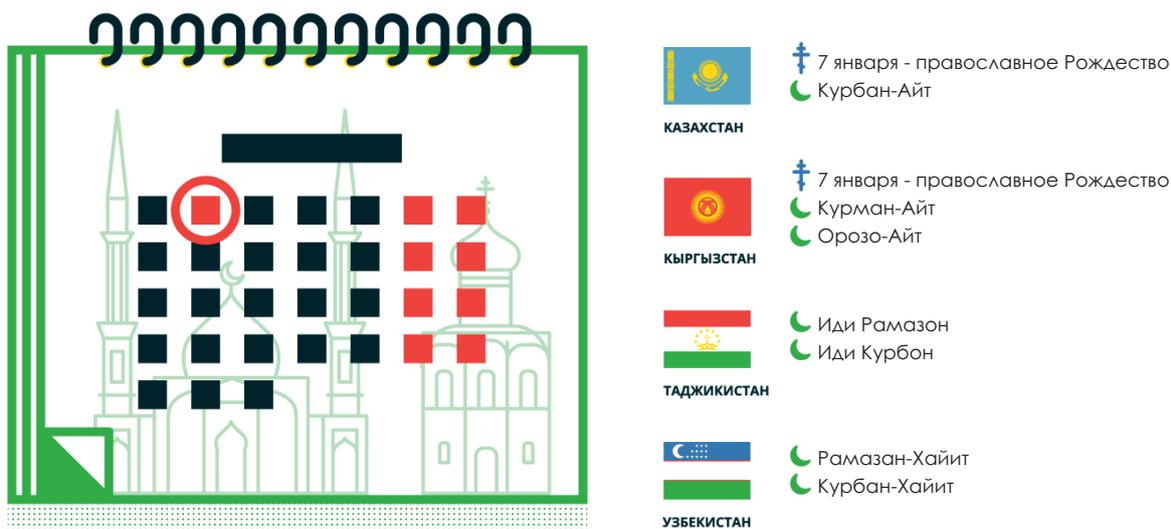
Во всех 4 странах официально празднуется Курбан-Айт.

В 3 странах, кроме Казахстана, отмечается Рамазан.

В 2 странах отмечается православное Рождество.

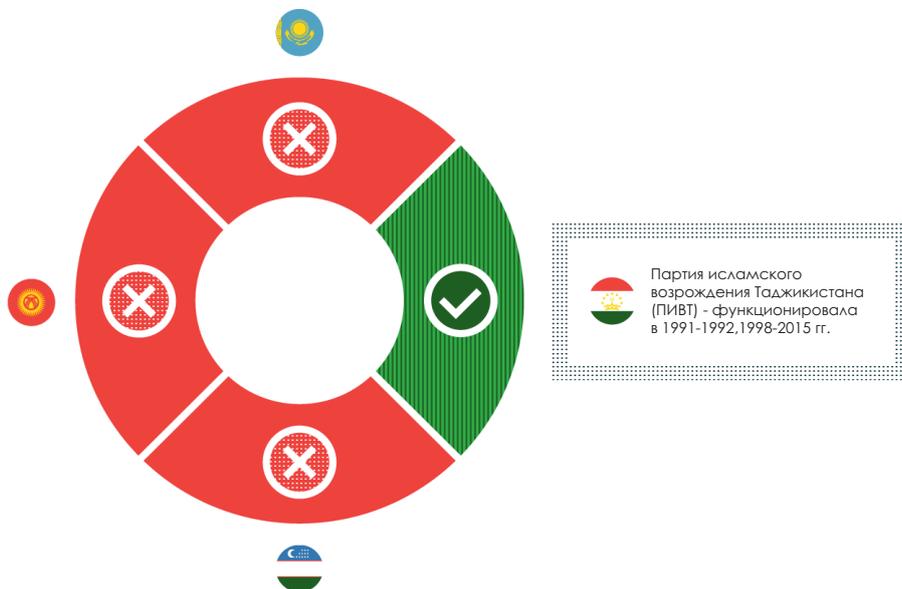
Религиозные праздники

официально отмечаются, нерабочий день

Религиозные партии официально запрещены в странах Центральной Азии. Только в Таджикистане в разное время действовала Партия исламского возрождения Туркестана (ПИВТ), которая была запрещена в сентябре 2015 года.

Религиозные партии

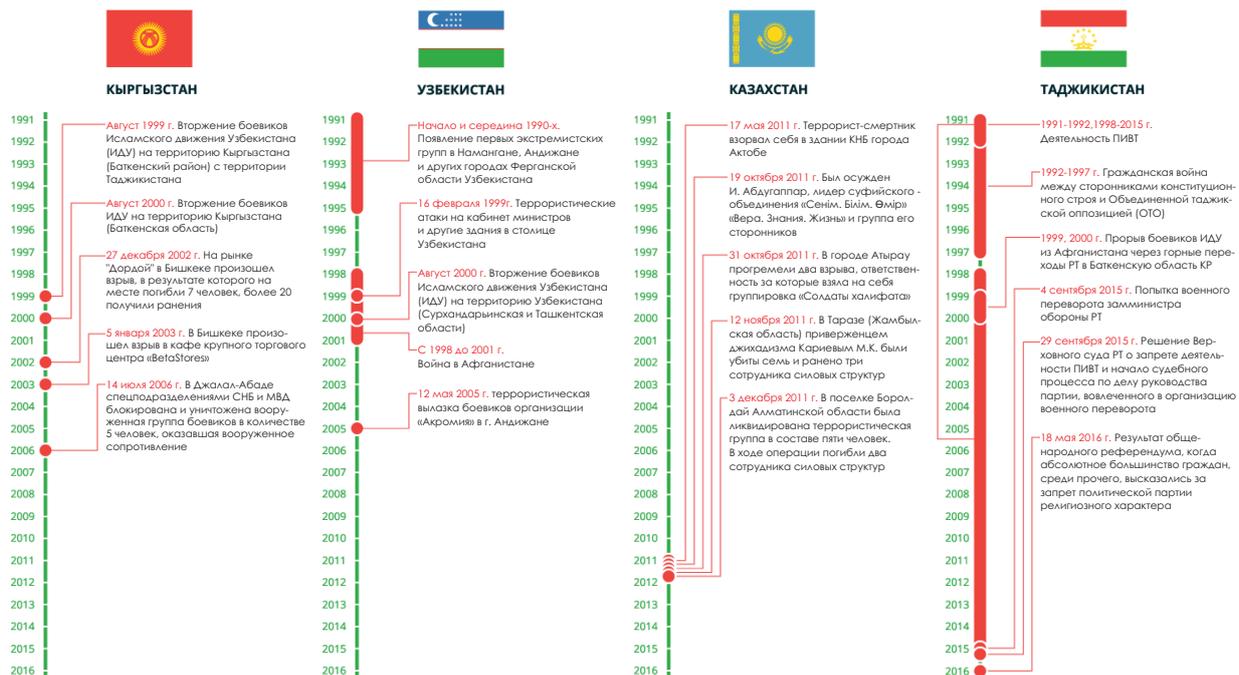

Во всех 4 странах (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан) государственная политика в области религии проводится в контексте задач и интересов национальной безопасности.

Секьюритизация ислама в ЦА

Основные события, связанные с деятельностью террористов и религиозных экстремистов, способствовавшие секьюритизации ислама в странах ЦА

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ПОЛИТИКА И ИСЛАМ

В течение трех столетий (XVIII-XX вв.) ислам в Центральной Азии пережил целую череду вызовов. Среди них самым значительным событием стала антирелигиозная политика советского времени. Огромные ресурсы, вложенные в грандиозные проекты модернизации по-советски (независимо от отношения к ним), предполагали, кроме всего прочего, секуляризацию религиозного сознания. Речь идет о масштабных проектах в области образования, формирования советских форм «национальных культур», киноиндустрии, эмансипации женщин и т.п. Были созданы целые институты для обслуживания этих проектов, которые не могли не оставить свой след в сознании, образе жизни автохтонного населения, часть которого, между прочим, была не только объектом, но и субъектом (то есть активным инициатором) грандиозных перемен. Ожидалось, что серьезные политические преоб-

разования и индустриализация заставят местных жителей «выбросить религию на историческую свалку»¹.

Однако нынешняя реисламизация, спустя почти век после начала «успешной» атеизации, отражает тот факт, что ислам всегда оставался эфиром, пронизывающим социальные отношения и мировоззрение людей. Интересен контраст между постсоветским процессом стремительной реисламизации (деатеизации) и советским периодом последовательной деисламизации (атеизации). Историческим поворотным пунктом между этими двумя реальностями стала, безусловно, горбачевская перестройка, которая, помимо прочего, раскрепостила религиозную идентичность всех народов бывшего Союза.

Разительный контраст между советским наступлением на ислам и постсоветским возрождением ислама обнаружил довольно противоречивую общественно-политическую ситуацию и духовную атмосферу в стране. С одной стороны, религиозная экзальтация населения с его местными формами бытования ислама, с другой стороны, страна стала частью глобального исламского мира с его особыми вызовами для этого бытования. С одной стороны, возрождение ислама как веры, ценности, культуры и т.д., с другой – его сдерживание от чрезмерной эйфории и ограждение от внешних вызовов.

¹ Сухарева О. А., Бикджанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран (Опыт этнографического изучения колхоза имени Сталина Чартакского района Наманганской области). - Ташкент: Издательство АН Узбекской ССР, 1955.

УЗБЕКИСТАН: ИСЛАМСКИЙ РЕНЕССАНС И ВНУТРЕННЯЯ ДИЛЕММА БЕЗОПАСНОСТИ

Узбекистан среди центральноазиатских стран, очевидно, отличается своим многочисленным мусульманским населением, значительно большей концентрацией религиозных учреждений и исторических памятников, а также более глубокой укорененностью религиозных традиций в виде местных форм бытования ислама. Поэтому можно сказать, что постсоветский религиозный ренессанс в независимом Узбекистане во многом выразился в виде преемственности сохранившихся практик, мировоззрения и взаимоотношений ислама и государства.

Советская атеистическая политическая система и идеология не стерли полностью исламскую идентичность населения: ни исламское духовенство, ни исламские институты, ни исламские социальные отношения в республике. «Советский вызов» религии местные мусульмане смогли преодолеть, ответив на него разными формами адаптации.

Очень показательным примером «незавершенной» советской модернизации в виде ате-

изации является созданное в 20-х годах XX века в советском Узбекистане движение «Худжум», благодаря которому тысячи мусульманок сбросили с себя паранджу и открыли лицо. Это считалось прогрессивным достижением молодой советской власти в традиционном и отсталом Туркестане. В первые годы государственной независимости в Узбекистане действительно наблюдалась определенная либерализация в сфере религии и государственно-конфессиональных отношений. Так, мусульманам страны были открыты более широкие возможности для совершения паломничества (хаджа и умры) в Мекку и Медину². Еще до обретения независимости, в июне 1991 года, в Узбекистане был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях». В последующем в этот закон вносились изменения и дополнения.

Возрождение религии в Узбекистане сопровождалось, если так можно выразиться, легализацией и выходом из тени существовавших мечетей. Благодаря этому в стране число мечетей резко выросло с трехсот в 1989 году до шести тысяч в 1993 году. За годы независимости построены и отреставрированы сотни мечетей, церквей и молельных домов, в том числе православные храмы в Ташкенте, Самарканде и Навои, католический костел в Ташкенте, армянская церковь в Самарканде. Согласно постановлению Кабинета министров 15 объектов – религиозные комплексы, места паломничества и усыпальницы – переданы в ведение Управления мусульман.

Вместе с тем тысячи мечетей, которые функционировали в начале 1990-х, не прошли офи-

² Стоит заметить, что если в советское время количество мусульман из Узбекистана, совершавших хадж, едва ли доходило до 100 человек в год, то уже в первые годы независимости эта цифра приблизилась к 1000 человек.

циальной перерегистрации в конце 90-х годов и были закрыты. На данный момент в республике при населении почти 32 млн человек, более 94% которых считают себя мусульманами, функционируют около 2450 мечетей.

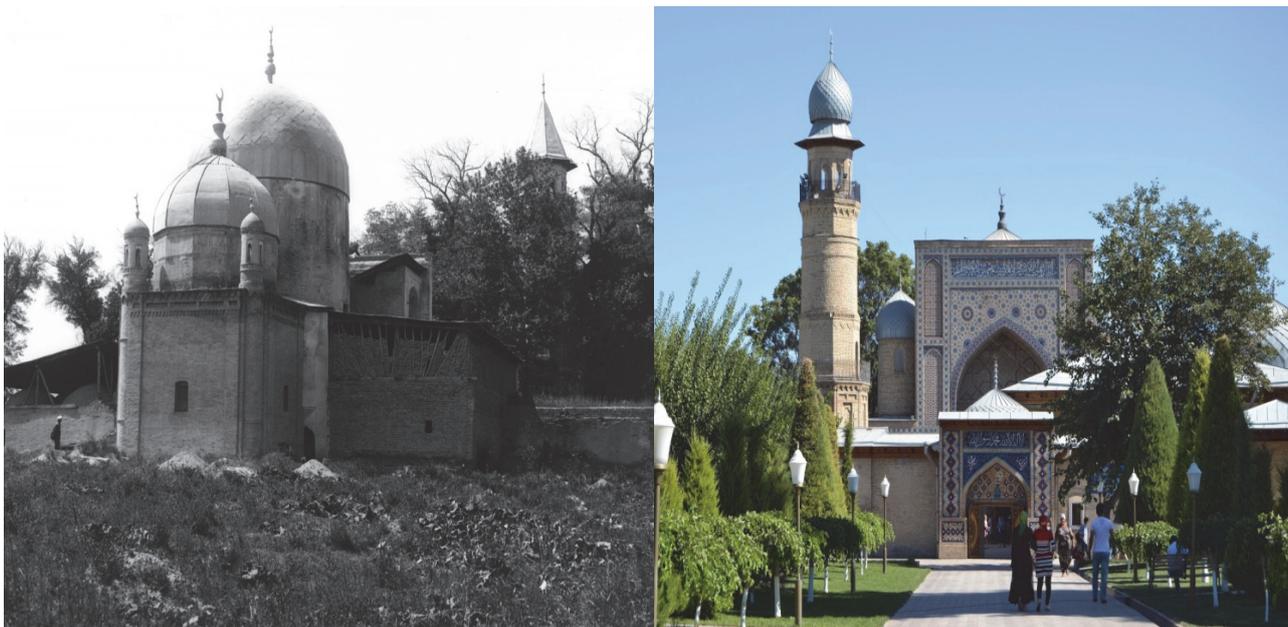
Хотя государственная политика в отношении религии в Узбекистане имеет системный и строгий характер, однако заметны и противоречия. «На службе» у государства имеется целый свод соответствующих законов и нормативных актов, государственные структуры, средства массовой информации, система образования, а также огромный идеологический арсенал, в том числе аф-

филированные с государством НПО. Так, Конституция РУз, Закон о свободе совести и религиозных организаций РУз и другие нормативные акты закрепляют свободу выбора веры и отказа от веры, равенство всех конфессий в Узбекистане, секулярный характер государства. Также существует запрет на прозелитизм и создание политических партий религиозного характера. При правительстве создан Комитет по делам религии, функционирует Духовное управление мусульман Узбекистана (ДУМУ), в Аппарате Президента РУз ранее была создана служба по религиозным делам, которым руководил советник Президента³.

Президент СССР Михаил Горбачев и первый муфтий мусульман Узбекистана шейх Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф

³ В 2014 году должность советника была упразднена. Теперь работа в этой области в Аппарате Президента передана в Совет безопасности. Таким образом, религиозные вопросы из чисто религиозной, культурной сферы стали вопросами национальной безопасности, что, возможно, свидетельствует о «болезненности» этого вопроса.

Комплекс «Занги Ота» (Ташкент) до и после обретения независимости Узбекистана.

В отличие от соседних стран региона, в Конституции Узбекистана отсутствует принцип светскости государства, тем не менее религия и религиозные организации открыто не оказывают серьезного влияния на политические процессы. Но они вовсе не вытеснены из публичной сферы и общественной жизни. В то же время светскость узбекской государственности гарантируется принципом отделения религиозных организаций от государства (статья 61 Конституции РУз). В стране зарегистрированы 2238 религиозных организаций 16 различных конфессий, из них 2065 - мусульманские.

Закон прямо запрещает действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие (прозелитизм), а также любую другую миссионерскую деятельность на территории Узбекистана. Одним из ключевых вопросов в регламентации является вопрос о государственной регистрации. В Узбекистане религиозные организации обязаны пройти

обязательную регистрацию в Министерстве юстиции по согласованию с Комитетом по делам религии при кабмине. Минюст, а не суд, может также прекратить деятельность религиозной организации в принудительном порядке.

По закону, религиозные организации имеют различные права, из которых главными являются право на проведение религиозных собраний, богослужений, обрядов. Религиозные организации имеют право проводить такие мероприятия по месту нахождения религиозных организаций, в культовых, молитвенных зданиях, на отведенной им территории, в местах паломничества, учреждениях религиозных организаций, на кладбищах и в домах (квартирах) граждан (статья 14 закона).

Следующим принципиальным моментом является религиозное образование, которое можно рассмотреть на двух уровнях: под-

готовка религиозных служителей и предоставление религиозных знаний гражданам в общеобразовательных целях. В Узбекистане, когда речь идет о религиозном образовании, в основном подразумевается деятельность религиозных организаций по подготовке служителей культа. Для этого религиозные организации имеют право учреждать религиозные (духовные) учебные заведения, но с соблюдением ряда жестких требований.

Если в советское время религиозные знания давались только в двух исламских учебных заведениях, то теперь их можно получить в Ташкентском исламском институте имени имама Бухари, высшем медресе Мири Араб и в девяти средних специальных исламских учебных заведениях. Обучение в них полностью соответствует государственным стандартам. Их учащиеся наряду с религиозными и теологическими овладевают еще и светскими знаниями. Согласно постановлению кабинета министров от 22 августа 2003 года, дипломы, выдаваемые выпускникам религиозных учебных заведений, приравнены к соответствующим государственным дипломам об образовании.

Что касается преподавания религии как общеобразовательной дисциплины, то оно невозможно в государственной системе образования. В Узбекистане не допускается также создание религиозными организациями негосударственных учебных заведений. Преподавание религии в частном порядке запрещается.

Студенты вышеназванных учебных заведений, наряду с религиозными предметами, из-

учают и светские науки, а также иностранные языки. В 1999 году указом Президента был основан Ташкентский исламский университет, эволюция которого также несет на себе отпечаток проводимой политики. В 1999 году главной целью исламского университета ставилось воспитание современной мусульманской интеллигенции посредством подготовки специалистов в области исламской теологии, высококвалифицированных специалистов в сфере истории, права, языка, исламской экономики, призванных служить мусульманской общине Узбекистана. Со временем университет превратился в светское образовательное учреждение, предоставляющее лимитированные религиозные знания программистам, экономистам и историкам.

В мировом сообществе широко распространено представление о жестком ограничении религиозных свобод в Узбекистане, контроле религиозных организаций со стороны государства, их исключении из политической и общественной активности, о контроле за религиозными лидерами и верующими и т.д. Многие считают, что жесткая политика контроля может привести к отчуждению мусульман от государства и напряженным отношениям между властью и религией. Однако это довольно сложный вопрос, который следует рассматривать в контексте общего развития государства и нации в современных реалиях глобализации и модернизации, а также с учетом всех изменений, которые имели место с момента начала реформ, т.е. обретения независимости.

Первый президент Узбекистана Ислам Каримов в своем magna opus «Узбекистан на пороге XXI века...» (1997 г.) утверждал, что

«ислам, являясь религией наших отцов и дедов, укрепляет веру людей, очищая и возвышая их, придавая им силы, способствовал, а порой являлся единственной формой сохранения и передачи из поколения в поколение общечеловеческих и духовных ценностей. Именно поэтому религия является надежной спутницей человека, частью его жизни»⁴. Вместе с тем политику Каримова определяло представление о разнообразии, многогранности, противоречивости и разнополюсности явлений, происходящих под знаком возрождения исламских ценностей⁵. Отсюда и чувство настороженности, а порой и опасения в связи с ростом религиозных сентиментов в узбекском обществе, когда зачастую религиозная активность рассматривается через призму террористических или экстремистских угроз, которые, соответственно, повлияли на государственную политику.

Исламу Каримову принадлежит выражение: «В наше время идеологические полигоны сильнее ядерных полигонов». Он утверждал, что военные, экономические, политические угрозы можно легко заметить и предотвратить, однако гораздо труднее вовремя выявить идеологические угрозы и их воздействие⁶.

Опасения на самом деле были не безосновательными: Узбекистан неоднократно испы-

тал на себе вызовы исламского экстремизма и религиозно мотивированного терроризма. Террористическая деятельность Исламского движения Узбекистана в 1990-х годах, взрывы в Ташкенте в феврале 1999 года, террористическая вылазка группировки «Акромия» в г. Андижане в мае 2005 года и другие случаи в значительной степени способствовали ужесточению государственного контроля над религиозной жизнью в стране.

В наши дни внутри страны ситуация с точки зрения снижения уровня угрозы насильственного экстремизма относительно стабильная. Вместе с тем в Узбекистане, как и во многих странах мира, остается открытым концептуальный вопрос о способе разрешения дихотомии «секуляризм versus реисламизация», что проявляется в том или ином виде в различных жизненных обстоятельствах. Так, например, студентам лицеев и университетов не позволяют по пятницам уходить с учебы, если она заканчивается в 12-12:30, чтобы ограничить посещение молодыми людьми пятничных молитв в мечетях, которые начинаются в 13:00. А женщинам и девушкам не разрешается носить религиозную одежду в общественных местах, особенно в университетах. Известны случаи, когда девушки в хиджабах исключались из высших учебных заведений⁷. Такая практика, кстати, контрастирует с правилами, принятыми в международных орга-

⁴ Ислам Каримов. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистон, 1997. – С.35.

⁵ Там же, с.33.

⁶ Ислам Каримов. Yuksak ma'naviyat – yengilmas kuch. – Toshkent: Ma'naviyat. – С.113.

⁷ Закон РУз «О свободе совести и религиозных организаций» гласит: «Появление граждан Республики Узбекистан (за исключением служителей религиозных организаций) в общественных местах в культовых одеяниях не допускается».

низациях в Узбекистане, где местным женщинам-сотрудницам разрешается ношение такой одежды. Хотя следует признать, что контроль этого чувствительного для мусульман вопроса либо остается слабым, либо государство вынуждено мириться, так сказать, с неизбежной реальностью, поскольку есть немало случаев ношения хиджабов в некоторых университетах и госучреждениях. Государство стремится лишь удержать ситуацию в контролируемых рамках, что снова свидетельствует о неоднозначности и даже шаткости положения.

Телепередачи, реклама, даже Интернет и мобильные телефоны, как ни странно, становятся средством в руках ортодоксальных секуляристов, поскольку они отвлекают верующих от «внеземного». В то же время государство и политическая элита используют исламскую риторику. Публичное осуждение западной поп-культуры, роскошных свадеб, мини-юбок девушек, вплоть до лишения лицензии на концертную деятельность некоторых артисток за откровенный вид и поведение на сцене и т.п. обосновываются ссылками на национальные традиции и исламские ценности, однако такие меры либо не работают, либо их эффективность очень низка. Контраст между религиозной жизнью с ее мечетями, местами моления, предписаниями Корана, религиозными ритуалами и современной городской жизнью с ее дискотеками, ночными клубами, местами «майшата»⁸ (т.е. распития алкогольных напитков) обнаруживает очень непростую картину противоречивого сосуществования двух реалий – светской и религиозной – с причудливыми взаимными «фазовыми

переходами». Как следствие, узбекское общество, условно, оказалось между «майшат» и «ибодат» (между веселым и пьяным времяпрепровождением в чайхане и молитвой в мечети) при одновременном наступлении реисламизации и вестернизации.

Отличительной чертой нынешней политической элиты Узбекистана, воспитанной в советской парадигме развития (которая на самом деле является одной из ветвей девелопментализма, преобладавшего в классической общественной мысли XIX века), является вера в неизбежность модернизации, однолинейном характере ее течения. Отсюда вытекают упрощенные представления о прямой связи секуляризации общества с процессами модернизации и о том, что модернизация неизбежно приводит к уменьшению влияния религии и в обществе, и в умах людей.

При президенте Каримове государство пыталось предложить свое видение современности («Модернити»), в котором религии отводилась преимущественно роль хранителя культуры. Однако политика активной секуляризации проводилась в то время, когда шла в некотором роде стихийная десекуляризация общественной жизни. Например, все больше и больше людей нуждаются и посещают мечети в часы молитвы. Празднование Рамазана и Курбан-Хайита в Узбекистане становится все более и более масштабным и демонстративным. Следует признать, что ислам, как и все мировые религии, является философской системой, мировоззрением, он определяет смысл жизни и образ жиз-

⁸ Литературное «майшата» от персидско-таджикского «май» - алкогольный напиток, вино.

ни. С этой точки зрения, можно отличать три типа социализации людей, связанной с их отношением к религии: секулярная, религиозная и секулярно-религиозная. Это означает, что узбекское общество представляет собой сложное взаимодействие между теми, кто, так сказать, секулярно социализирован, теми, кто религиозно социализирован, и теми, кто секулярно-религиозно социализирован.

На этом фоне реисламизация как таковая проходит, условно, три взаимно переплетенных стадий в своем развитии. Первая стадия, ориентированная на идентичность, ассоциируется с возрождением исламской культуры, исламской идентичностью людей. В ходе этого периода бывшая атеистическая система демонтируется, политическая риторика насыщается религиозными выражениями, исторические места, связанные с исламским прошлым, реконструируются, создается исламский университет, начинается массовое паломничество в Мекку и Медину и т.д.

Следующей является, так сказать, интеллектуально (на знания) ориентированная стадия. В ходе этого периода потребность и интерес к пониманию смысла ислама, содержания Корана и Сунны станут жизненно важными. Все больше верующих людей будут не просто осуществлять ритуальную молитву, но и стараться понимать то, что они произносят на арабском языке во время молитвы. Все больше людей будут читать Коран и понимать его каноны. Наконец, все больше верующих станут благочестивыми мусульманами. На этой стадии будет возрастать индивидуальный запрос

на правильное истолкование тех или иных исламских правил и коранических сур и оятов. Такие запросы уже сегодня можно все чаще наблюдать в мечетях во время пятничной хутбы, когда, с одной стороны, имамы сами рассказывают об этом, а с другой – прихожане передают имаму записки с вопросами на разные темы.

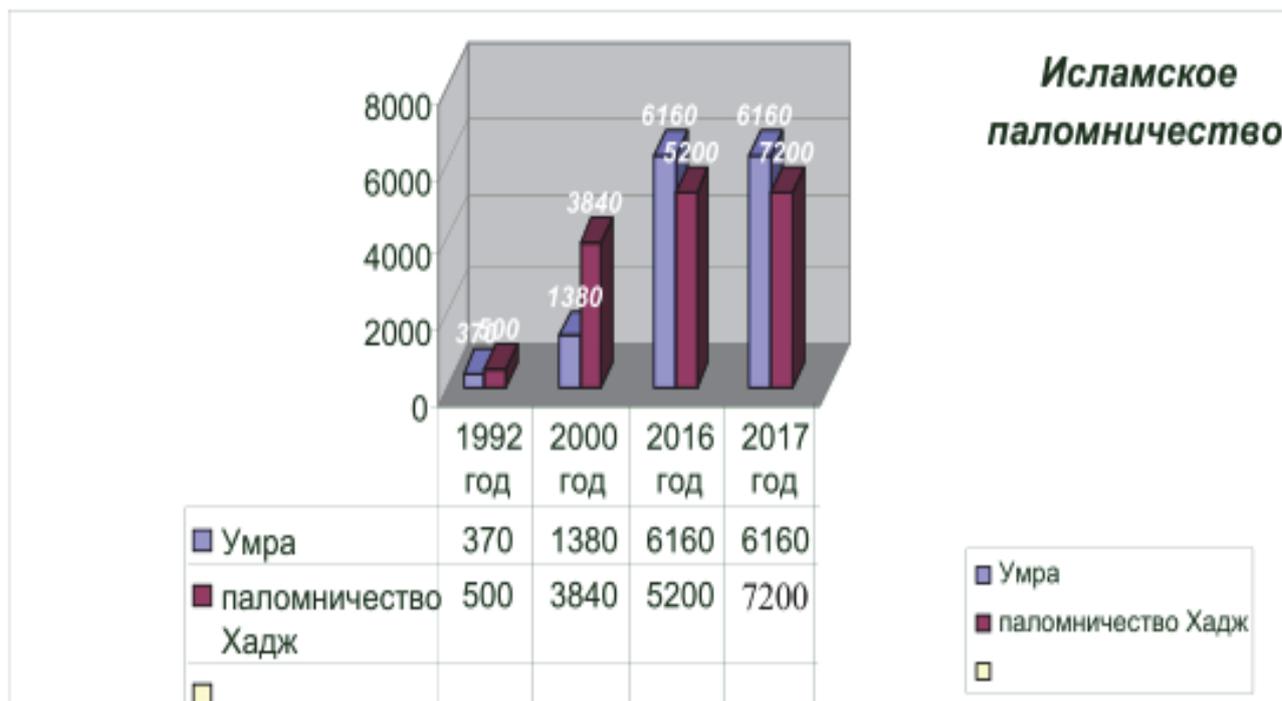
Когда появится «критическая масса» образованных, зрелых мусульман, начнется третья стадия, которую можно назвать ориентированной на действия или даже политически ориентированной. Все больше мусульманских активистов теперь будут готовы требовать, чтобы государственная политика проводилась, а страна управлялась в соответствии с исламскими ценностями. Это не означает, что на данной стадии принцип секуляризма будет отвергаться, однако секуляристы столкнутся с новым вызовом со стороны своих соотечественников, которые будут открыто обсуждать эту проблему.

Обращает на себя внимание в этой связи большое интервью, которое заместитель главы Духовного управления мусульман Узбекистана (ДУМУ) шейх Абдулазиз Мансур дал радио «Озодлик», разъяснив целый ряд вопросов. Подобное интервью некоторое время назад было трудно представить. В частности, он обратил внимание, что с приходом к власти Шавката Мирзиёева была создана виртуальная приемная Президента и что в эту виртуальную приемную поступают многочисленные обращения граждан касательно религиозных вопросов. Он ответил на такие вопросы, как: возможность чтения намазов на улицах,

разрешение на ношение бороды, проблема хиджабов, законное и незаконное осуждение по религиозным мотивам, звучание азана через микрофон, давление на религиозные организации, ношение платков, квота на осуществление хаджа и умры и др.⁹

Так, шейх, в частности, обратил внимание на непрерывное увеличение квоты для совершения хаджа. Узбекистан во времена Ислама Каримова разрешал хадж от 3800 до 5200 паломникам. В 2017 году, с приходом Шавката Мирзиёева, эта квота составила 7200 человек.

Итак, Узбекистан нынче вступает в новый этап своего развития. Важно заметить, что реисламизация общества и государства является не изолированным от других аспектов национального развития явлением, а диалектически связанной с ними частью бытия. В этой связи важно также вести дискурс не только о соотношении светскости и религиозности, но и о соотношении демократии и религии.

На церемонии инаугурации 14 декабря 2016 года новый Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев традиционно принес присягу

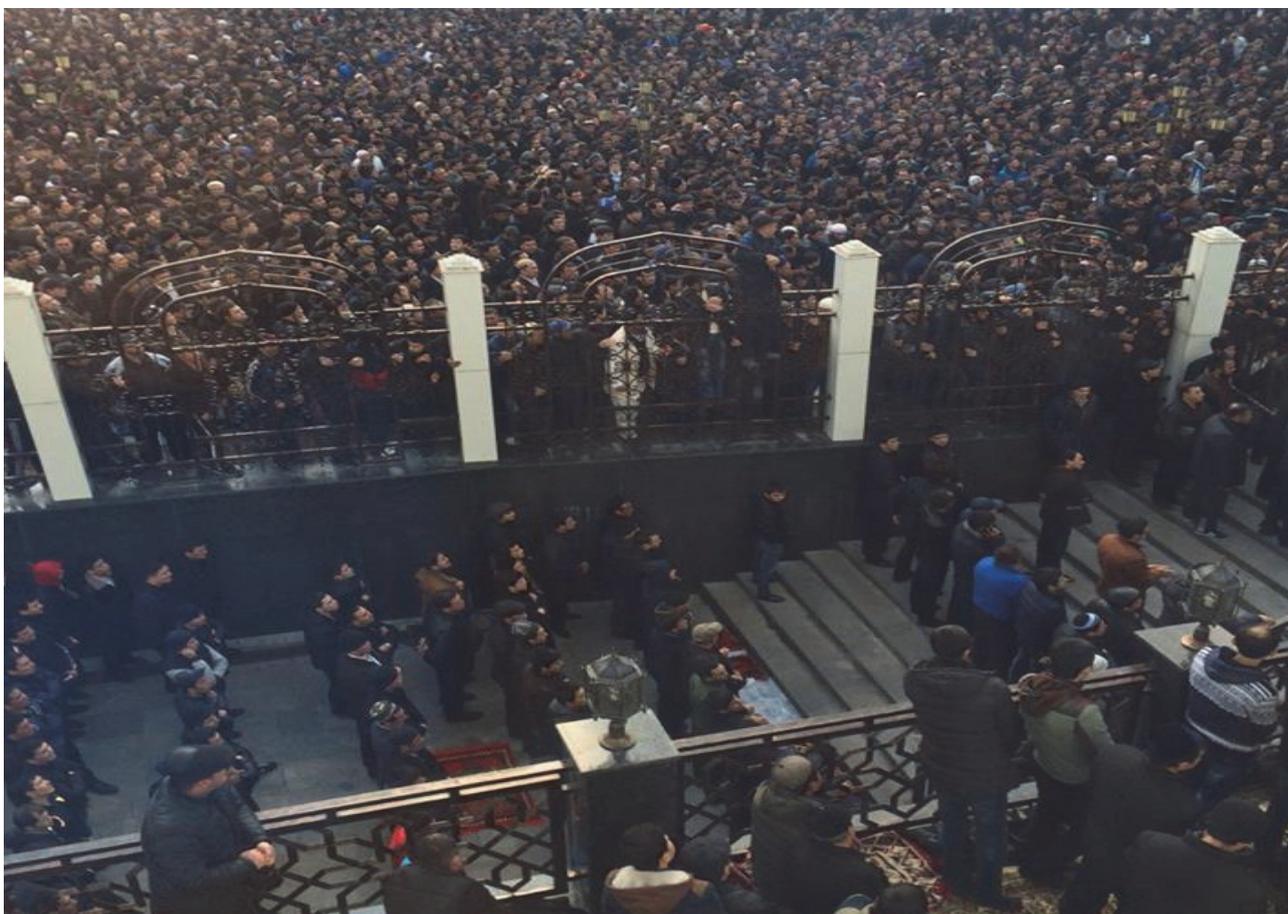
на Коране и Конституции Узбекистана. В стране формируется новая общественная атмосфера, в том числе и в отношении религии. Так, инспектируя регионы страны, он каждый раз непременно посещает исторические святые места, объекты культа и общается с духовенством. Выступая перед участниками съезда имамов в Ташкенте 15 июня 2017 года, Мирзиёев подчеркнул необходимость более гибкой политики в сфере религии. Так, например, он призвал пересмотреть «списки неблагонадежных» в сторону сокращения. В постсоветской истории отношений между властью и религией, очевидно, открывается новая страница.

⁹ <https://soundcloud.com/ozodlikradiosi/abdulaziz-mansur-dindor-mabuslar-dardiga-ulo-solish-kerak>

Таким образом, анализируя проблемы формирования и формулирования государственной политики по отношению к религии, следует сделать вывод, что, по аналогии с дилеммой безопасности в международной (региональной) системе, можно вести речь и о внутренней дилемме безопасности. Суть ее сводится к следующему: постсоветское раскрепощение религии (ислама), или реисламизация общества и государства, несет с собой, помимо ценностных начал культурно-духовного возрождения, еще и вызовы религиозного экстремизма и терроризма. Эти вызовы ставят государство в сложную ситуацию: ради обеспечения безопасности и общественной стабильности (т.е. выполнения главных функций любого государства) государство использует раз-

ной степени меры контроля, ограничения, принуждения и наказания. Но ради обеспечения в полной мере свободы религии и религиозного образа жизни верующих государство должно ограничивать и сдерживать само себя.

Вместе с тем подобная интерпретация ситуации в виде дилеммы может быть результатом упрощенного видения вопроса, поскольку оно как бы механически разделяет государство и религию на две разные субстанции и неизбежно отчуждает их друг от друга, в то время как они с такой же неизбежностью и естественным образом взаимно переплетены в своем *modus vivendi*, но разделены лишь в своем *modus operandi*.

Похоронная молитва по шейху

7 октября 2016 года в столице Узбекистана состоялось открытие мечети «Ислам ота», названной в честь Первого Президента Ислама Каримова.

ИСЛАМ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ОБЩНОСТЬЮ И РАЗМЕЖЕВАНИЕМ

Ислам в Казахстане, так же как и в других странах региона, становится важной частью не только традиционной культуры, но, учитывая историческую специфику, усиливающимся фактором социального и политического дискурса. При этом следует

отметить, что ислам традиционно не был определяющим феноменом в жизни этнических казахов, хотя, несомненно, является немаловажной составной частью идентичности. В 1990-х годах исламский фактор во внутренней политике не играл сколько-нибудь заметной роли. Изначально как таковой исламской альтернативы в выборе пути развития независимого Казахстана не было, вместе с тем закономерно, что социальная роль религии за это время возросла.

За гранями светскости

В Казахстане, несмотря на то что официально провозглашено отделение государства от религии, наблюдатели и эксперты могут заметить ряд противоречий с реализацией этого принципа. Очевидно, что его сложно вопло-

Президент Казахстана Н. Назарбаев на празднике Курбан-Айт посещает мечеть «Хазрет Султан», 24 сентября 2015 года, Астана

тить в «чистом» виде. Например, мусульманский праздник Курбан-Айт (Ид аль-Адха) по закону является выходным, а также выходным является и православное Рождество 7 января. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в одном из ключевых документов страны «Стратегия «Казахстан-2050» отметил: «Мы гордимся тем, что являемся частью мусульманской уммы. Это наши традиции. Но мы не должны забывать, что мы имеем традиции и светского общества, что Казахстан – светское государство. Светский характер нашего государства – это важное условие успешного развития Казахстана. Это должны четко понимать нынешние и будущие казахстанские политики, все казахстанцы»¹⁰.

По сути, несмотря на декларацию, на практике крайне сложно разделять принципы светскости и религиозности, которая очень подвижна.

Как отмечают исламоведы, доля тех, кто исполняет все ритуалы и соблюдает нормы ислама в своей жизни, на протяжении последних десятилетий составляет от 7% до 11% от общего числа мусульман в Казахстане. Эти показатели уровня религиозности значительно отличают казахстанцев не только от обществ Ближнего Востока и Южной Азии, но даже от их соседей в Центральной Азии, исторически более религиозно ориентированных. В целом делается вывод, что ислам в Казахстане как политический фактор маргинален¹¹. На данный момент можно с этим согласиться, но современные динамичные процессы, и не только в мусульманском мире, показывают, что ряд стран, в которых политический ислам еще недавно был на периферии общественных процессов, столкнулись со стремительным его «возвращением».

Количество мечетей в 1991-2016 гг.

1991	2000	2011	2012	2015	2016
68 ¹²	1652	2756	2228 ¹³	2458	2516 ¹⁴

Как видно из таблицы, за 25-летний период количество мечетей выросло в 37 раз. При этом наибольшее количество зарегистрированных мечетей пришлось на 2011 год. Но уже после принятия в том же году но-

вого закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» не все мечети смогли возобновить свою деятельность, а оставшиеся вошли в систему духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК).

¹⁰ http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs

¹¹ <http://sayasat.org/articles/1008-islam-v-kazahstane-kak-politicheskij-faktor-marginalen>

¹² <http://e-islam.kz/ru/component/k2/item/900-eislam>

¹³ Религиозные объединения в Республике Казахстан// Агентство РК по делам религий, ноябрь 2012 г.

¹⁴ Итоги 25-летия независимости Республики Казахстан. Религия и межконфессиональное согласие.

Размежевание в мусульманской среде

С конца 1990-х годов власти страны узрели в религиозной активности и появлении неформальных религиозных общин и лидеров вызов. При этом эволюция отношения государства к этому вопросу от настороженности до активного противодействия была стремительной. Речь идет не только о так называемых нетрадиционных течениях и группах в исламе, таких как «Таблиг-и-Джамаат», «Хизб-ут-Тахрир», салафитах, но и о группах, придерживающихся суфизма, в целом распространение которого в традиционной казахской среде имеет сравнительно давние исторические корни.

Наряду с привнесенными из-за рубежа (Кавказ, Ближний Восток и Южная Азия) нетрадиционными религиозными идеологиями, суфизм неожиданно оказался в фокусе государственного внимания. Так в 2011 году состоялся суд над И. Абдугаппаром, лидером получившего популярность к тому времени в среде казахской интеллигенции суфийского объединения «Сенім. Білім. Өмір» («Вера. Знания. Жизнь»). Уже в 2012 году эта организация была признана экстремистской и запрещена в стране. Вероятно, одним из важных аргументов в пользу запрета организации стал тот факт, что ее лидер был хоть и этническим казахом, но выходцем из Афганистана, бывшим моджахедом, получившим религиозное образование в Пакистане.

Следует отметить, что, становясь популярной, «Сенім. Білім. Өмір» укрепляла свою сеть по стране. Растущее сообщество сторонников этой организации могло выступить даже некой параллельной/альтернативной структурой ДУМК, поддерживаемому государством. Примечательно, что весь процесс над лидером и группой его сторонников сопровождался информационной кампанией с обвинительным уклоном в провластных СМИ.

В свою очередь линия защиты этой суфийской группы пыталась обвинить сторонников салафизма в своем преследовании. В частности, один из адвокатов обвиняемых заявил, что «заказ поступил от высокопоставленных чиновников, являющихся сторонниками ваххабитов»¹⁵.

Интересно, что в открытом письме президенту Н. Назарбаеву, направленном представительной группой казахской гуманитарной интеллигенции с просьбой об освобождении И. Абдугаппара, также делался акцент на заинтересованности салафитов, в том числе пребывающих во власти¹⁶.

Вынесенный обвинительный приговор 19 октября 2011 года с длительными сроками заключения для лидера группы И. Абдугаппара и его последователей вызвал споры, продолжающиеся и в настоящее время¹⁷.

¹⁵ http://www.dn.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=24%3A1-r&Itemid=1%20

¹⁶ <http://www.spik.kz/articles/tolk/2011-08-25/otkrytoe-pismo-v-zashchitu-ismatully-abdugappara>

¹⁷ <http://www.altyn-orda.kz/razzhigali-li-sufii-mezhreligioznuyu-rozn-ili-o-pravovom-bespredele-sledstvennyh-organov-i-suda-vokrug-164-stati/>

Случай с данной суфийской группой, а также растущее число других нетрадиционных религиозных течений наглядно показывают разобщенность мусульманской уммы в Казахстане и растущую политизацию в этой сфере. Следует отметить, что местные салафиты также варьировались от тех, кто признает власть, до радикально отрицающих существующие устои. В ДУМК также можно наблюдать различные течения, базирующиеся на разных школах и подходах.

Хотя риски политизации ислама большинством экспертов признаются относительно невысокими, тем не менее их не следует недооценивать. Как можно было видеть в терактах 2016 года в Актобе и Алматы, небольшая группа радикалов или даже один человек способны стать вызовом для системы. При этом следует отметить, что в большинстве своем эти радикалы - неофиты, их путь к религии был тернистым. Как показывает опыт различных мусульманских стран, религиозно мотивированные протесты неизбежны, если нет иных форм выражения своих взглядов. Пример вирусной идеологии организации ИГИЛ (ДАИШ) с ее упрощенным и, соответственно, доступным для малосведущей в религиозных вопросах среды характером также показателен.

Наряду с закономерно возросшей вовлеченностью казахстанских верующих в глобальную мусульманскую умму, возрастают также риски распространения радикальных религиозных идеологий, которые власти обобщенно

идентифицируют как нетрадиционные религиозные течения. По официальным данным на 2016 год, более 400 человек находились в местах заключения за участие в террористической и экстремистской деятельности.

Идеология салафизма - яркий пример влияния на транснациональном уровне. Дебаты о запрете салафизма в Казахстане идут перманентно, начиная с 2011 года, периодически усиливаясь на фоне терактов.

Возникает другой риск: в ответ на вызов радикалов государство будет противопоставлять также крайние меры, т.е. непропорциональное усиление административного контроля и силовых мер. В этом контексте вполне оправданными звучат предостережения религиоведов, что «гармония светско-исламских отношений в Казахстане может быть нарушена как в результате провокаций со стороны религиозных радикалов, так и в результате непродуманных действий со стороны отдельных представителей госорганов»¹⁸.

Многие эксперты правомерно предлагают не спешить с использованием запретительных мер. Так, председатель президиума республиканского общественного объединения «Контртеррористический комитет» А.Уразбаев справедливо отметил, что «последствия запрета могут быть различные, в том числе негативные. Ведь число приверженцев данного течения исчисляется, по данным ДУМК, цифрой около 16 тысяч. А ведь это наши соотечественники, зачастую заблудшие»¹⁹.

¹⁸ Козырев Т. Ислам в Казахстане: идентичность, общество, государство // «Казахстан Спектр», 2016 г., №2, С.25.

¹⁹ <https://www.zakon.kz/4825693-zapreshhat-li-v-kazakhstane-salafizm-za.html>

В этом вопросе власти страны занимают сдержанную позицию. Так, министр по делам религий и гражданского общества Н. Ермакбаев в ноябре 2016 года заявил, что «совместные усилия общества и государства могут быть более эффективными, нежели любой формальный запрет на законодательном уровне. Если применение этих мер не приведет к должному результату, то министерство будет инициировать вопрос о судебном запрете салафизма и других религиозных течений»²⁰.

Таким образом, правительство избрало адресный и в долгосрочной перспективе более продуктивный подход, при котором государственные органы будут пресекать распространение салафитской литературы, не допускать проведения незаконных собраний и проповедей представителей салафизма, блокировать работу радикальных интернет-сайтов, запрещать любые организации, пропагандирующие идеологию салафизма. Вместе с тем государство стремится опереться в этой борьбе на единственное зарегистрированное республиканское религиозное объединение - Духовное управление мусульман Казахстана.

Риски «огосударствления» религии

Следует отметить, что Казахстан, как и ряд других постсоветских стран, во многом унаследовал советскую систему отношений государства к религии. ДУМК сохранил немало «родимых пятен» того времени, и, как

верно было отмечено А. Султангалиевой, «ислам огосударвляется, а государство сражается за ислам со своими оппонентами и претендует не просто на контроль над исламом, а на место “религиозного авторитета”»²¹.

Показательным является то, что внеочередной съезд ДУМК, прошедший 19 февраля 2013 года, на котором был избран верховным муфтием Ержан Маямеров, состоялся в Астане в «Назарбаев Центре». В тот же день казахстанский президент провел встречу с новым руководителем муфтията и отметил «необходимость издавать фетвы по актуальным вопросам - такое давно практикуется во всех мусульманских странах». Кроме того, Н. Назарбаев подчеркнул, что «единственной признанной структурой традиционного ислама в нашей стране является Духовное управление мусульман Казахстана. В недавно принятом законе, регулирующем сферу религиозных отношений, закреплено, что государство признает место и роль ханафитского мазхаба в духовной жизни нашего народа. И это правильно»²².

В казахстанском законе «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» подчеркивается «историческая роль» ханафитского мазхаба. Как отмечалось, власти через укрепление ДУМК стремятся сохранить контроль над религиозной сферой. В этом же контексте следует оценивать попытки усилить административный статус

²⁰ https://informburo.kz/novosti/v-pravitelstve-ozvuchili-usloviya-zapreta-salafizma-na-zakonodatelnom-urovne.html?_utl_t=fb

²¹ Султангалиева А. К. «Возвращение ислама» в Казахстан. - Алматы, 2012. - С. 33.

²² https://www.kt.kz/rus/state/prezident_vstretilsja_s_predstaviteljami_duhovnogo_upravlenija_musuljman_kazahstana_1153568969.html

муфтията путем перевода в столицу его центрального аппарата. Призвав активно противодействовать незаконным религиозным течениям, президент Казахстана задался вопросом: «Если мы молодых мусульман им отдадим, тогда зачем мы здесь сидим? Надо молодежи указать правильный путь»²³.

Например, после терактов в Актобе и Алматы в 2016 году и в ответ на призыв властей муфтиятом были созданы две группы по информационно-разъяснительной работе. Одна из них — республиканского масштаба, в ее состав вошли 33 исламоведа-теолога. Вторая группа собрана из 295 священнослужителей для работы в регионах. Цель у обеих групп одна — при тесном взаимодействии с акиматами, управлениями по делам религий и государственными органами на местах предотвращать распространение религиозных экстремистских идей через беседы с прихожанами мечетей. При этом ДУМК признает упущения в связи со слабой коммуникацией с русскоязычными мусульманами.

По словам секретаря совета улемов ДУМК Е.Онгарова, «мы вынуждены признать, что в головах молодежи образовался информационный вакуум именно из-за языкового барьера. Огромное количество сомнительной религиозной литературы на русском языке распространяется не только в бумажном, но и в электронном виде»²⁴.

Следует отметить, что в призывах ряда казахстанских теологов «беречь и продвигать религию наших предков, не идти на поводу «заморских шейхов» наглядно видно возникшее размежевание в мусульманском сообществе²⁵. Кроме того, это также показатель острого дефицита религиозно грамотных духовных лидеров. Нередко имамы (буквально «стоящие впереди, возглавляющие») системы ДУМК не обладают должным авторитетом в среде верующих. Обладать духовным и/или интеллектуальным авторитетом значит быть также и автономным в суждениях и интерпретациях, в то время как для власти важнее лояльность религиозного деятеля.

Используемые властями в современных дискуссиях определения «традиционный ислам» с положительными коннотациями, а «нетрадиционный» с отрицательными - это также пример обобщенного либо нередко избирательного толкования, которое зачастую не вносит ясности. Ведь в таком случае активное позиционирование со стороны государства чего-либо как «традиционного» может вполне восприниматься как синоним официального. Однако подобного рода аргументы относительны, так как традиции также когда-то были новациями.

Все это требует серьезного пересмотра отношений как со стороны государства, так и собственно внутри мусульманской общины. Усиление интеллектуального дискурса, в том числе в мусульманской среде, гибкость

²³ <http://www.ktk.kz/ru/news/video/2013/2/19/21378>

²⁴ <https://365info.kz/2016/12/v-kazahstane-defitsit-russkoyazychnyh-imamov-dumk/>

²⁵ <https://camonitor.kz/26016-tradicionnyy-islam-po-kazahski-protiv-vahhabitskoy-ideologii.html>

и адаптивность, не отчуждение верующих и государства видятся вполне возможными и нужными путями гармонизации отношений в этой сфере.

Зачастую ответ государства на эти вызовы во многом обусловлен сохраняющейся неосветской практикой контроля государства над религиозной сферой. Например, только за последние десять лет государственный орган по делам религий трансформировался пять раз. Каждый раз это были конъюнктурные изменения, обусловленные реакцией государства на текущие проблемы. Уполномоченный государственный орган был несколько раз в статусе комитета, затем агентства. В сентябре 2016 года как отклик на теракты было создано Министерство по делам религий и гражданского общества. Очевидно, что поднятие статуса ведомства – это отражение озабоченности власти ситуацией в этой сфере, но, как отмечалось, сам инструментарий и зачастую предпринимаемые меры отражают другую эпоху.

Дебаты о религиозном дресс-коде и обрядах

Дискуссия об атрибутах исламской одежды периодически активизируется в стране, особенно с начала 2010-х годов. С ростом числа практикующих, контрастно выглядящих на фоне светского большинства (хиджабы у женщин, бороды и короткие брюки у мужчин), стало наглядным размежевание в обществе.

Религиозная атрибутика во внешнем виде и дебаты вокруг этого явились символическим водоразделом. Так как в основном привнесенный исламский дресс-код не характерен для традиционной казахской среды и заимствован из стран Ближнего Востока или Пакистана, одевающиеся таким образом проводят дополнительную линию, отделяющую их от светского окружения. Следует отметить, что это характерно для многих государств, и не только мусульманских. В любом случае общее количество носящих религиозно обусловленную одежду не так велико, тем не менее острые споры вызвал вопрос о допустимости ее ношения в государственных учреждениях и учебных заведениях.

Интересно, что даже ряд депутатов парламента Казахстана высказывали противоположные мнения на этот счет. Например, мажилисмен А.Мурадов приводил следующие доводы: «В Казахстане 80% мусульман, и они выбирают носить то, что разрешено их верой. А хиджаб - это арабское одеяние, исконно казахи никогда не носили его. Появление в Казахстане особенного регламента или закона, запрещающего носить его в общественных местах, неправильно. Каждая школа вправе принимать собственное решение в отношении внешнего вида школьников. Я думаю, что короткая юбка на школьницах - худший вариант, нежели хиджаб»²⁶.

В то время как другой депутат Г.Баймаханова отметила, что «школа - это светское учреждение, и в ее стенах должны соблюдаться светские правила, в том числе и по одежде. Но

²⁶ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31441265#pos=1;-173

есть религиозные учебные заведения - там, пожалуйста, можете демонстрировать свою религиозную принадлежность. Если родители такие глубоко верующие - пусть отдадут ребенка в медресе»²⁷.

С 2011 года в Казахстане приказом Министерства образования и науки была внедрена единая форма для государственных школ. Несмотря на это, периодически в школах случались конфликты с родителями учениц, одетых в хиджабы. К 2016 году было свыше пяти тысяч обращений в министерство по данному вопросу²⁸. Это общее число тех, кто выступал против и, наоборот, за ношение хиджаба. Запрет на ношение религиозной одежды (хиджаба) был детализирован приказами министерства в 2016 году и подтвержден на уровне Генеральной про-

куратуры. ДУМК поддержал решение властей о запрете ношения хиджабов в школе. Немногочисленные протесты не согласных с решением выразались в обращении к президенту и попытках организовать митинг в столице.

Кроме религиозного дресс-кода, дебатиремым был вопрос о намазе, совершение которого запрещено в государственных учреждениях, учебных заведениях и воинских частях в соответствии с законом «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Считается, что практикующий верующий может покинуть рабочее место, учебное заведение, скажем, для послеобеденного намаза, но это будет зависеть от разных обстоятельств, например, отношения руководителя организации.

Пятничный намаз, мечеть «Хазрет Султан», Астана

²⁷ Там же.

²⁸ http://www.inform.kz/ru/odezhdu-s-religioznoy-atributikoy-deti-mogut-nosit-vne-shkoly-minyust_a2960533

Возрастающую роль ислама и, соответственно, сопутствующей обрядности может проиллюстрировать увеличение числа соблюдающих пост в месяц Рамадан, совершающих хадж, посещающих пятничный намаз, в том числе государственных служащих. Показательно, что зачастую деловые встречи в среде чиновников и госслужащих стараются не назначать на пятницу в послеобеденный период.

Таким образом, обрядовая сторона ислама становится значимым социальным фактором. Несомненно, одним из важнейших коллективных мусульманских обрядов является паломничество в Мекку. Как известно, в силу престижа хаджа многие политики совершают его, стремясь улучшить свою репутацию. В этом контексте показательна эволюция отношения к религиозным об-

рядам лидеров стран Центральной Азии, чей карьерный взлет в советские годы был связан с членством в Коммунистической партии и демонстративным атеизмом.

Президент Казахстана Н. Назарбаев в ходе своего первого визита в Саудовскую Аравию в 1994 году совершил малый хадж (умру). В 2003 году он осторожно заметил, что, возможно, совершит полный хадж, но не сейчас, так как «пока к этому не готов». Он подчеркнул тогда, что, «как казах, я, естественно, отношу себя к исламской культуре. Поэтому меня зовут совершить хадж. Возможно, я отношусь к этому очень серьезно. Когда я решу, что готов вступить на этот путь, тогда я и совершу настоящий хадж»²⁹. Малый хадж казахстанский лидер совершил и в марте 2004 года в ходе очередного визита в Саудовскую Аравию.

25 октября 2016 года, Н. Назарбаев посещает мечеть Пророка Мухаммада в Медине.

²⁹ <https://zonakz.net/articles/4593>

Только в октябре 2013 года в Сети появились неофициальные видеоролики малого хаджа казахстанского лидера³⁰. При этом длительное отсутствие официального подтверждения обосновывалось тем, что президент хочет сохранить «нейтральность».

Вместе с тем информационная стратегия в этом вопросе очевидно поменялась. В октябре 2016 года президентская пресс-служба широко освещала визит Н. Назарбаева в Саудовскую Аравию и, в частности, посещение мечети Пророка Мухаммада в Медине и совершение им намаза³¹. Кроме того, в официальных хрониках появились кадры предыдущих посещений Мекки казахстанским лидером.

Следует отметить, что раньше всех своих коллег в регионе хадж совершил первый президент Узбекистана И. Каримов еще в 1992 году. После этого череда известных событий как в стране, так и в регионе (возникновение ИДУ, гражданская война в Таджикистане, теракты 1999 года в Ташкенте), судя по всему, побудила узбекского лидера кардинально пересмотреть свое отношение к роли ислама. Третьим из

лидеров стран региона хадж совершил президент Таджикистана Э. Рахмон(ов) в июне 1997 года. Кроме того, он отправлялся в паломничество к Каабе в 2001 и 2005 годах. В апреле 2007 года хадж совершил президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, совместив его со своим первым официальным визитом за рубеж.

Примечательно, что большинство лидеров стран Центральной Азии в последние годы совершили демонстративное паломничество в Мекку³². В декабре 2014 года религиозный обряд совершил лидер Кыргызстана А. Атамбаев, в январе 2016 года вместе с членами своей семьи в паломничество вновь (в четвертый раз) отправился президент Таджикистана Э. Рахмон, и в мае 2016 года широко освещался второй хадж туркменского лидера Г. Бердымухамедова.

Очевидно, что этот тренд стал следствием как укрепления связей с мусульманским миром, так и возросшей роли ислама и религиозной идентичности в жизни центральноазиатских обществ.

³⁰ <http://rus.azattyq.org/a/nursultan-nazarbaev-hadzh-mekka/25154245.html>

³¹ <http://ru.sputniknews.kz/politics/20161025/883826/nazarbaev-sovershil-namaz-v-mecheti-proroka-muhammada-v-medine.html>

³² Следует отметить, что религиозный аспект легитимации власти в истории региона также играл значимую роль. Немало примеров, когда правители стран региона – ханы, эмиры, беки - стремились заручиться поддержкой влиятельных религиозных сословий либо посредством брачных союзов с кланами саидов, ходжей или известных святых укрепляли свои родословные и легитимность.

ТАДЖИКИСТАН. ИСЛАМ И ПОЛИТИКА

Ислам в Таджикистане играет значительную роль: религиозная идентичность («я - мусульманин») порой успешно конкурирует с национальной самоидентификацией («я - таджик»). Данное обстоятельство имеет ряд причин:

- таджики, как древнее оседлое население региона, бережно чтят свои многовековые традиции и обычаи, которые имеют глубокие религиозные (точнее исламские) корни;
- таджикский народ, давший мусульманскому миру целую плеяду исламских мыслителей (Абу Ханифа, Джалолиддин Руми, Абдурахман Джами и десятки других признанных в исламской умме выдающихся имамов), сохраняет свою глубокую религиозность и обрядность;
- таджикский народ в течение 70 лет советской власти смог сохранить свою приверженность исламской вере в ее умеренной (не воинствующей) форме ханафизма;
- незавершенность национальной консолидации таджикского народа, когда над-

национальная («я - мусульманин», «я - иранец», «я - демократ» или «я - коммунист» и т.д.) и локально-территориальная самоидентификация («я - худжандец», «я - кулябец», «я - бадахшанец» и т.д.) сильно влияет на этот процесс, создавая барьеры;

- традиционная религиозная элита таджикского народа (саидзода, ходжагон, эшонзода и др.), несмотря на атеистическую сущность советской власти, сохранила свою исламскую идентичность и мировоззрение.

Объявление Республики Таджикистан светским государством с первых дней независимости страны столкнулось с ожиданиями традиционной части населения, которое стремилось не только к возрождению идей и ценностей народного ислама, но и к созданию исламского государства. Отсутствие идеи, концепции или государственной программы гармоничной жизни между светским государством и преимущественно исламским обществом стало тяжелым бременем в первое десятилетие суверенной жизни таджикского народа.

Основные этапы взаимодействия власти и политического ислама

Национальное пробуждение таджикского народа в последние годы Советского Союза было тесно переплетено с исламским пробуждением, так как историческая память таджиков имела неразрывную связь с исламскими ценностями, которые были жестко подавлены в годы советской власти. Поэтому национально-демократические общественные движения

³³ Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа. - Душанбе, 2000. - С.283-298.

состояли в тесной связи со стремительно возрождаемым мусульманством. Неготовность правящей коммунистической номенклатуры к диалогу со светскими реформаторскими силами и движениями вынудила демократические силы вступить в альянс с силами политического ислама³³. В советском Таджикистане одним из первых в регионе было образовано таджикское отделение Партии исламского возрождения (Советского Союза), которое после обретения независимости республикой превратилось в самую мощную оппозиционную партию. Первые месяцы после признания независимости в таджикском обществе наблюдался неуправляемый и хаотичный процесс политизации ислама и исламизации политики.

Почти четвертьвековую историю взаимодействия политического ислама со светской государственной властью в Таджикистане можно разделить на три этапа:

1. Этап бескомпромиссной борьбы за характер национальной государственности (1991-1997 годы, гражданская война);
2. Этап сохранения статус-кво в рамках Соглашения о мире и национальном согласии (1997-2010 годы);
3. Этап вытеснения политического ислама с общественно-политической арены страны (2010 год - по настоящее время).

На первом этапе советский (светский) дискурс и коммунистические лозунги были заменены исламской риторикой. Бескомпромиссное противостояние политического ислама с

существующей властной структурой, которая из-за своей атеистической сущности и неповоротливости не могла пойти на диалог, вызвало гражданское противостояние, продолжавшееся более пяти лет (1992-1997). Закрепление вооруженных группировок политического ислама в приграничных с Афганистаном горных районах страны, откуда их не могли отбросить сторонники конституционного (светского) строя, создало патовую ситуацию в стране. Резкое ухудшение ситуации в соседнем Афганистане, выступавшем тыловым обеспечением сторонников политического ислама, а также позитивное отношение стран - гарантов межтаджикского урегулирования к скорейшему решению данного кризиса привело к достижению мира и национального согласия.

Необходимо подчеркнуть, что в годы гражданского противостояния неформальным путем происходило расширение практики обрядов и ритуалов народного ислама, когда местные сообщества стали создавать мечети и молебные дома вместо клубов или других общественных мест. Многократно увеличилось число людей, посещающих мечети, соблюдающих пост (рамазан), а также желающих совершить хадж в священную Мекку и Медину. Государственные органы, ведя жесткую борьбу с политическим исламом, в то же время не препятствовали этим тенденциям.

На втором этапе, после подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия (июнь 1997 года) вооруженные группировки Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) были интегрированы в национальную армию и другие правоохрани-

³⁴ Мамадазимов А., Куватова А. Регулирование деятельности политических партий и участие женщин в политической жизни в Таджикистане. - Душанбе: Маориф ва фарханг, 2012. - 311 с.

Церемония подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия (27 июня 1997 года, Москва).

нительные структуры. После этого Партия исламского возрождения (ПИВТ), запрещенная в годы гражданского противостояния (как и Демпартия), снова была зарегистрирована в Минюсте РТ. ПИВТ опять начала издавать свою еженедельную газету «Нажот» («Спасение»), журнал «Найсон» и запустила официальный веб-сайт³⁴. С 1997-го по 2015 годы в Таджикистане сложилось парадоксальное положение. С одной стороны, характер национальной государственности был объявлен светским, с другой – так же легально функционировала мощная политическая партия религиозной направленности. Кроме того, ряд представителей данной партии стали народными депутатами.

Как в годы гражданского противостояния (1992-1997), так и в годы постконфликтного восстановления (1997-2008) процесс стро-

ительства мечетей и молельных домов шел ускоренными темпами. Дело дошло до того, что их количество превысило общее число средних школ по всей стране.

Некоторые местные эксперты стали призывать к упорядочиванию религиозной жизни населения. Власть откликнулась, были приняты такие законы, как: «Об упорядочивании традиций и обрядов», «Ответственность родителей в воспитании детей» и т.д.

Совет улемов Таджикистана, являющийся общественной организацией, стал контролироваться государством. Имам-хатибам пятничных мечетей была назначена фиксированная заработная плата, что означало придание им статуса государственных служащих.

На третьем этапе, с весны 2015 года (после последних парламентских выборов), когда ПИВТ стала жестко оспаривать результаты выборов, ситуация резко изменилась. По сообщениям, местные (районные и городские) подразделения ПИВТ стали распускаться или самораспускаться. Согласно закону «О политических партиях», любая политическая партия должна иметь свои региональные подразделения в более чем половине городов и районов страны. Несоблюдение этого правила приводит к закрытию партии.

Наряду с этим в сентябре 2015 года заместитель министра обороны генерал Абдухалим Назарзода с группой единомышленников предпринял попытку военного переворота, в которую, по мнению властей, было вовлечено руководство ПИВТ. Военный переворот был подавлен, начался судебный процесс над его участниками. 29 сентября 2015 года Верховный суд РТ запретил деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана³⁵. Все руководство ПИВТ, кроме председателя Мухиддина Кабири, который к тому времени выехал из страны, было привлечено по делу о попытке переворота.

18 мая 2016 года в Республике Таджикистан был проведен общенародный референдум. Среди других был вынесен вопрос о запрете националистских и религиозных политических партий, который был одобрен подавляющим большинством³⁶. Теперь деятельность ПИВТ останется в истории суверенного Таджикистана как неудавшаяся попытка функционирования политической партии религиозного (исламского) характера в условиях

светского национальной государственности. Создание подобной политической партии отныне законодательно запрещено.

Характеристика взаимодействия власти с исламом после референдума 18 мая

В настоящее время светский характер национальной государственности уже не подвергается конкуренции со стороны политического ислама и повестка дня для власти в ее взаимоотношениях с сугубо исламским обществом серьезно трансформировалась. Если раньше для властей ключевым оппонентом/партнером выступала ПИВТ и своеобразный тандем отодвигал все отношения по принципу «светская власть - исламское общество» на второй план, то теперь у властей отсутствует приоритетный партнер, отношение с которым затмевало бы все иные усилия и мероприятия, связанные с народным исламом.

После запрета ПИВТ, и особенно после общенационального референдума 18 мая 2016 года, картина стала кардинально меняться. Ни одна структура, связанная в своей деятельности с религиозной жизнью, не обладает тем статусом, каковым обладала ПИВТ во время председательства Саида Абдулло Нури в постконфликтные годы (с 27 июня 1997 года до его кончины).

Данное новое обстоятельство, когда, с одной стороны, имеется власть, а с другой стороны - множество проблем (без главного игрока-партнера), связанных с ее религиозной политикой, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

³⁵ <https://news.tj/ru/node/215519>

³⁶ <https://news.tj/ru/news/v-tadzhikistane-prokhdit-referendum-po-izmeneniyu-konstitutsii-respubliki>

Много вопросов у местных экспертов и властных структур вызывают следующие тенденции:

- наличие в обществе религиозных людей, подверженных пропаганде салафизма и вахабизма³⁷;
- наличие в обществе сторонников экстремистского и террористического движения «Исламское государство»;
- деурбанизация и деиндустриализация ряда регионов, в основном горных, что создает питательную среду для провинциального (непросвещенного) ислама;
- дилемма «лояльность (к властям) - компетентность (в религиозных делах)» для духовенства;
- общественные дискуссии об исламском дресс-коде и обрядах (хиджаб у женщин и борода у мужчин)³⁸.

По мнению экспертов, первоначальное приобщение граждан Таджикистана к экстремистским группировкам произошло в большей степени среди беженцев и вынужденных переселенцев, попавших на территорию Афганистана. Общеизвестно, что более полу-миллиона переселенцев в годы гражданского противостояния были вынуждены покинуть пределы страны и перейти через Пяндж-Амударью. Объединенная таджикская оппозиция не имела достаточно разветвленной и мощной структуры, чтобы координировать повседневную жизнь таджикских беженцев и вынужденных переселенцев. Данное обстоятельство

послужило отправной точкой для различных экстремистских группировок Афганистана, которые рекрутировали сторонников среди таджикских беженцев. Данное приобщение представителей Таджикистана к экстремистским и террористическим группировкам проходило по следующим каналам:

- через религиозные учреждения Афганистана, Пакистана и ряда арабских стран, где исповедуют не умеренный и толерантный ханафизм, а агрессивные течения, призывающие к насилию по отношению к светским властям;
- недостаточная грамотность в сфере исламских научных доктрин и признание только концепции «джихада» в его атрофированной форме;
- использование религии для выхода из тяжелых жизненных условий, применение оружия для экспроприации чужой собственности и материальных благ.

Именно эти категории людей, после подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия (июнь 1997 года), не вернулись в Таджикистан. Ониполнили ряды международных экстремистских группировок (таких как «Исламское движение Узбекистана», «Ансаруллах», «Талибан» и многие другие). Эта была первая волна представителей Таджикистана в международном экстремистском движении, которые, постепенно маргинализируясь, растворились среди многочисленных группировок Афганистана и Пакистана.

³⁷ http://islamio.ru/news/society/na_yuge_tadzhikistana_osuzhdeny_shest_salafitov/

³⁸ <https://news.tj/ru/news/okhota-na-khidzhaby>, http://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150511_tajikistan_beads

Особую тревогу властей и общества вызывает вторая волна - осознанно присоединившихся к ИГИЛ:

- не примирившись с сохранением некоторых атеистических проявлений в государственных делах (создание дискомфортных условий для носящих хиджаб и бороду), они осознанно эмигрируют в Сирию и примыкают к ИГИЛ;

- по мере неофициального (полулегального) освоения основ ислама (традиционно не от умеренных ханафитских улемов, а от приверженцев таких сектантских мазхабов, как салафизм и ваххабизм) у части религиозно настроенной молодежи параллельно формируется антигосударственное поведение по отношению к светской власти. В итоге они приобщаются к подпольным экстремистским группировкам или эмигрируют в исламские страны.

В настоящее время официальную власть не тревожит внутренняя религиозная жизнь общества, где кроме дискуссий о хиджабе и бороде не существует других острых проблем.

В пользу данного суждения служит то обстоятельство, что политическое руководство страны в лице Шавката Мирзиёева с начала прошлого года перехватило «религиозную инициативу», что проявилось, например, в следующем:

- совершении малого паломничества (хадж-умра) в составе своей семьи в самом начале 2016 года;

- участия в похоронной процессии первого президента Узбекистана Ислама Каримова в Самарканде (сентябрь 2016 года), когда Мирзиёев не только выступил в официальной части похоронных мероприятий, но и участвовал в традиционной исламской молитве и поднятии гроба с усопшим (что считается большим богоугодным делом среди верующих);

- прочтении молитвы перед перекрытием русла реки Вахш плотины Рогун (октябрь 2016 года), что многократно транслировалось по всем телеканалам.

КЫРГЫЗСТАН. ПОЛИТИКА И ИСЛАМ

Атеистический советский строй, долгое время существовавший под девизом «религия - опиум для народа», так и не изжил устоявшуюся в регионе религиозную идентичность. Предположительно, сохранение религиозной идентичности было способом не потерять своих отличительных черт, включая этнические, а также некоторым, пусть и не сильным, сопротивлением коммунистическому строю. Религиозность определенной части населения ЦА в той или иной степени присутствовала на протяжении всего советского периода, несмотря на революцию 1917 года, преследование и подавление религиозных институтов, тоталитарную идеологию и масс-культурные преобразования. Тем не менее в советский период такая религиозность не играла сколько-нибудь существенной роли ни в идеологической, ни тем более в политической сферах жизни.

К концу советского периода, вместе с нарастанием идеологических проблем коммунистического режима, ситуация стала постепенно меняться. Лавинообразный рост экономических и социальных проблем и связанных с ними вопросов требовал ответов. Коммуни-

стическая идеология была уже в состоянии кризиса. На этом фоне вполне логичным выглядит то, что одним из ключевых «открытий» этого времени стало быстрое возвращение и обращение все увеличивающейся части населения к исламу и его постулатам.

Независимость и дискуссии вокруг ислама

Нельзя сказать, что ислам был единственной идеологической парадигмой, к которой обратили свои взоры граждане суверенного Кыргызстана. Достаточно привлекательными были и продолжают оставаться идеи демократии, либерального государства, прав и свобод человека. Однако и эти идеи, во-первых, не получили всеобщего признания, а во-вторых, извратившись порой до неузнаваемости, стали вызывать у некоторой части населения такое же неприятие, как и коммунизм. Ислам, опираясь на исторические корни в регионе и в условиях современного кризиса «измов», стал занимать освобождающееся место на идеологическом поле страны. Процесс поиска идеологической идентичности в Кыргызстане, таким образом, продолжается, и роль ислама в этом процессе имеет тенденцию к расширению.

Интересно отметить, как менялась риторика первых лиц страны, например первого и второго президентов Кыргызстана - становится очевидным постепенное признание и рост внимания к исламу и его роли в обществе.

Речи первого президента КР Аскара Акаева отличались осторожным отношением к исламу. Он намеренно не отделял его от других религий. Исламу отводилась скорее культурная

Фотография, сделанная с задней стороны музея истории Кыргызстана, бывшего музея В.И. Ленина, куда его постамент, как бывшего главного идеолога, был вынесен еще с принятием независимости КР. Перед самим музеем находится главная площадь государства и атрибут независимости – государственный флаг.

сфера, чем идеологическая и тем более политическая. Президент не молился, не совершал намаз, во всяком случае – публично. В 2000 году, выступая с обращением к мусульманскому населению страны по случаю наступления праздника Орозо-Айт (Рамазан), он подчеркивал, что отмечаемый праздник, представляя собой «светлый и святой ритуал исламской религии», имеет и «общечеловеческое духовное начало, ибо в его сути заложены основы справедливости, добра и воздер-

жанности»³⁹.

Второй президент Курманбек Бакиев, так же как и Акаев, будучи полностью «продуктом» советской эпохи, тем не менее, обращал более пристальное внимание к вопросу ислама. Исследователь религиозной сферы Кыргызстана Эмиль Насритдинов считает, что «религия как политический вопрос начала рассматриваться в бакиев-

³⁹ Религия и общество. 26 декабря 2000 г. - <http://txt.newsru.com/religy/26dec2000/oraza.html>

⁴⁰ Закон «О вероисповедании и религиозных организациях в КР». 31 декабря 2008 г. - <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>

ские времена. Первым законом, который утвердил Курманбек Бакиев, был закон о свободе вероисповедания»⁴⁰. Эксперт полагает, что особую актуальность тема религии и интерес к ней со стороны государства, преимущественно с точки зрения безопасности, приобрела с выводом Коалиционных войск из Афганистана⁴¹.

С 2000 года не слишком артикулируемая в государственной риторике тема ислама становится все более ярко выраженной. С одной стороны, ислам как дискурс легитимации становится популярным в обществе трендом, с другой стороны, религиозность все больше стала рассматриваться, пусть и не публично, как потенциальная угроза официально светскому государству.

На ситуацию в Кыргызстане оказывали влияние не только события внутристранового или регионального характера. Теракты 11 сентября 2001 года в США привели к тому, что отношение к исламу стало меняться во всем мире, включая и Кыргызстан.

По оценкам ряда экспертов, именно события в Нью-Йорке актуализировали дис-

курс вокруг ислама, породив новую волну обсуждений и оценок. Масштабный парадокс захлестнул мир, не оставив в стороне Кыргызстан. С одной стороны, ислам стал все больше и больше вбирать в себя новых последователей, привлекая их возможностью найти ответы на сложные вопросы и широкой социализацией, когда ты не сам по себе, а часть большого сообщества таких же правоверных. С другой - исламу все больше отводилась роль «негативного фактора» с довольно объемными характеристиками «экстремизма» и «терроризма». При этом конфронтация в данной сфере усиливает радикализацию.

Государство и ислам в Кыргызстане

Следует отметить, что, несмотря на увеличение роли ислама, все страны Центральной Азии, за исключением Узбекистана, по конституции продолжают определять себя светскими государствами.

Данные процессы происходят на фоне того, что в Кыргызстане, как и везде в ЦА, ислам становится все более востребованным со стороны общества. Это демонстрирует динамика стремительного увеличения количества мечетей и медресе

Количество мечетей

2009	2010	2011	2012
1973	2143	2181	2200

⁴¹ Дискуссионный клуб Мөңгү. Тема: «Религиозная модель Кыргызстана. Достижения и вызовы». Интервью с доцентом антропологии АУЦА, одним из основателей Антропологического клуба Эмилем Насретдиновым. - <http://analitika.akipress.org/news:5167>

в стране, особенно в регионах, где основным доступным местом социализации людей является мечеть.

Со временем все большее влияние на религиозную приверженность стала иметь геополитика. Геополитическое расположение страны во многом определяет и религиозные процессы, которые в ней происходят. Если с этой точки зрения рассматривать ислам, то наиболее активное влияние на страны Центральной Азии имеют Турция, Саудовская Аравия и Сирия, Иран, западные страны и Индийский полуостров⁴².

Религиозность становится все более популярным и открытым способом позиционирования и легитимации для политических лидеров. В 2010 году депутат парламента КР Турсунбай Бакир-уулу, экс-омбудсмен КР, ранее возглавлявший партию «Эркин Кыргызстан», принимает присягу в парламенте КР не на Конституции Кыргызстана, а на Коране. В 2017 году он заявляет о своем выдвижении в президенты Кыргызской Республики, не скрывая своей религиозной приверженности.

В 2011 году в здании парламента страны открывается первая молельная комната - намазкана. Позже, в 2015 году, была построена вторая молельная комната, большей площади.

По мнению экс-председателя наблюдательного совета Госкомиссии по делам религий Назиры Курбановой, данное обстоятельство противоречит проводимой государством политике в сфере религии:

«Во-первых, если открыть новую намазкану, то надо построить и молельные комнаты для представителей других религий. Вместе с этим такие помещения надо будет открыть и в других государственных учреждениях. Кроме того, финансирование органа, ведущего государственную политику, со стороны спонсоров из арабского государства может противоречить госполитике. Если намазкана так уж необходима, то ее строительство должно было вестись за счет созданного президентом фонда «Ыйман»⁴³.

Интересен опыт деятельности фонда развития духовной культуры «Ыйман», являющийся попыткой государства влиять на религиозную ситуацию в условиях формально светского государства. Этот фонд был открыт в 2014 году по инициативе президента республики. Основной его целью заявлено развитие духовной и религиозной культуры, поддержка инициатив, направленных на повышение духовного и интеллектуального потенциала граждан. На сайте фонда говорится, что это «юридическое лицо, преследующее социальные, благотворительные, культурные, образовательные

⁴² Эмиль Насритдинов, Нургуль Эсенаманова. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. - Бишкек, 2014.

⁴³ Радио Азаттык. «В Жогорку Кенеше строится новая намазкана». 19 февраля 2014 г. - <http://rus.azattyk.org/a/25267864.html>

⁴⁴ Сайт общественного фонда «Ыйман». - http://ru.iyman.kg/about_us/

и иные общественно полезные цели исключительно некоммерческого характера»⁴⁴.

Помимо различных проектов в духовной и культурной сфере, таких как издание книг, проект поддержки писателей и поэтов «Калем жана Ыйман», фонд проводит семинары по повышению квалификации имамов. Так, в 2015 году в течение 12 дней шли семинары на базе Ошского государственного университета⁴⁵. А с 2017 года фонд развития духовной культуры «Ыйман» начал выплачивать священнослужителям ежемесячную стипендию. Первыми стипендию получили имамы, прошедшие аттестацию. К примеру, муфтию предусмотрено 15 тысяч сомов, его заместителям по 10 тысяч сомов, главным имамам мечетей по 10 тысяч сомов, имамам - по 5 тысяч сомов.

Согласно Конституции, Кыргызстан - светское государство, поэтому законодательство не позволяет финансировать деятельность религиозных служителей и организаций. Фонд же не является государственной структурой, он был лишь инициирован президентом, то есть президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев подписал распоряжение о создании фонда развития духовной культуры «Ыйман»⁴⁶.

Рост влияния ислама на умы и настроения людей естественным образом озаботил го-

сударство вопросами качества образования, получаемого в религиозных учебных заведениях. В настоящее время Государственная комиссия по делам религий КР совместно с ДУМК (Духовное управление мусульман Кыргызстана) ведет активную деятельность в области религиозного образования. Инициирована и активно обсуждается Концепция религиозного и религиозно-образовательного образования в Кыргызстане. Однако пока уровень знаний кыргызстанских священнослужителей, которые напрямую контактируют с верующими, оставляет желать лучшего. По словам заместителя директора Госкомиссии по делам религии доктора философских наук Закира Чотаева, «всего 20 процентов имамов имеют базовое религиозное образование, поэтому было запущено два пилотных проекта». Первым проектом является теологической колледж, в котором совмещаются светские предметы и религиозные дисциплины. Другой проект - подготовка руководящих кадров Духовного управления мусульман Кыргызстана. Под контролем государства на базе университета имени Арабаева создан Институт подготовки и переподготовки руководящего состава ДУМК⁴⁷.

Алмазбек Атамбаев в период своего президентства в разной степени демонстрировал свою приверженность исламу. Из всех президентов Кыргызстана он делал это наиболее явно. В своих интервью он часто говорит на

⁴⁵ Акипресс. 28 декабря 2015. Президентский фонд «Ыйман» проведет семинары для имамов на юге Кыргызстана. - <https://kg.akipress.org/news:628998>

⁴⁶ Радио Азаттык. Имамам будут платить стипендию. 17 августа 2015. - <http://rus.azattyk.org/a/27192770.html>

⁴⁷ KNEWS. Будущее религиозного образования в Кыргызстане. 9 сентября 2016 г. - <http://knews.kg/2016/08/budushhee-religioznogo-obrazovaniya-v-kyrgyzstane/>

темы религии, идентичности и безопасности. Кандидаты в президенты (нынешний 2017 год – год выборов в президенты КР) также активно позиционируют себя как последовательные мусульмане. В их числе премьер-министр Кыргызской Республики, кандидат от партии власти СДПК - Сооронбай Жеенбеков.

«Ислам - правильная религия, если идти правильным направлением. Мы же видим, как в других странах, где пустил корни религиозный экстремизм, происходит размежевание на религиозной почве. В течение двух-трех месяцев мы представим данный вопрос на рассмотрение Совета обороны. Но мы не будем применять запретительные меры, как это было при Советском Союзе. В этой сфере нужен постоянный диалог», – отметил А.Атамбаев, комментируя религиозную ситуацию в стране⁴⁸.

На фоне обострения террористических угроз со стороны различных радикальных движений, «Исламского государства», дис-

курс религиозного, конкретно исламского все больше вытесняется в область политики безопасности с отсылкой к «экстремизму» и «терроризму». Долгое время политика Кыргызстана в религиозной сфере считалась самой либеральной в регионе Центральной Азии. Однако в последнее время политика Кыргызской Республики стала ужесточаться. Все чаще на Совете безопасности государства обсуждается религиозная тема, все активней силовые органы занимаются проблемами радикального ислама.

Известный в Центральной Азии теолог Кадыр Маликов считает, что «Кыргызстан теперь все чаще будет сталкиваться с угрозой разных террористических транснациональных групп, которые будут восстанавливать свой людской ресурс за счет постоянной вербовки молодежи уже внутри стран ЦА и РФ. Между тем борьба с терроризмом в странах ЦА идет не с причинами, а с последствиями. Есть две тактики борьбы с тафиритским терроризмом: один - это научно-просветительский подход

⁴⁸ Azan.kz. Интервью с Алмазбеком Атамбаевым.- <https://azan.kz/article/show/id/4049.html>

и второй - чисто силовой, репрессивный. Чиновники, силовые структуры в наших странах в основном видят административный и силовой метод в решении вопросов безопасности. Хотя если посмотреть реально, то это больше носит поверхностный характер подавления внешнего проявления экстремизма, протестных позиций»⁴⁹.

Несмотря определенные попытки государства ограничить религиозное влияние, особенно

в сфере политики, эти процессы, так или иначе, набирают обороты, и религия в Кыргызстане все больше проникает в политику. И в среде чиновников высокого ранга, и в среде конкурирующих политических групп ислам все чаще становится если не способом легитимизации, то ресурсом для мобилизации избирателей. Ислам на современном этапе развития страны является все более осязаемым как в повседневной жизни людей, так и в процессах политической конкуренции.

Плакат предвыборной кампании на городских выборах. Баткен, 2017 год.

⁴⁹ Кадыр Маликов. Почему государство будет проигрывать в борьбе с терроризмом идейно и информационно. K-NEWS. 30.08.2016. - <http://knews.kg/2016/08/kadyr-malikov-pochemu-gosudarstvo-budet-proigryvat-v-borbe-s-terrorizmom-idejno-i-informatsionno/>

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ

- По мере укрепления государственности, с одной стороны, и усиления факторов реисламизации – с другой, отмечается тенденция, когда власть в государствах ЦА все более активно регулирует религиозную сферу. Это находит свое отражение в возросшем количестве нормативно-правовых актов (НПА).
- Принятие схожих нормативно-правовых актов в странах ЦА свидетельствует об общности угроз и вызовов, особенно со стороны религиозного экстремизма.
- Духовные управления мусульман (ДУМ) можно рассматривать как продолжение советской практики централизованного управления религиозной сферой в каждом из государств ЦА. В определенной степени нынешние ДУМы стали своего рода преемниками Средне-Азиатского духовного управления мусульман (СА-ДУМ).
- Государственная политика в сфере религии не сводится полностью к методам и традициям регулирования, которые существовали в недалеком прошлом (что в принципе невозможно), а согласуется с новыми требованиями времени. Показательно, что имеющие место регулярные встречи политических лидеров государств региона свидетельствуют о попытках модификации государственной политики в данной сфере, а также формировании нового диалога с исламом.
- Модификация государственной политики в данной сфере, а также формирование нового диалога с исламом обусловлены двумя основными тенденциями, которые можно условно обозначить как а) борьба за умы и сердца (в частности, ради легитимизации режима) и б) борьба за голоса электората. Часто данные тенденции противоречат друг другу.
- Наблюдается очевидный и объективный процесс роста количества религиозных организаций (мечетей) в странах ЦА. В первые годы независимости данный процесс носил неконтролируемый характер. В последующем государство предприняло шаги по упорядочению данного процесса через усиление контрольных и координационных механизмов.
- Изначально относительно либеральная религиозная политика властей Кыргызстана привела к резкому росту количества мечетей и религиозных учебных заведений (медресе) по сравнению с другими странами ЦА.

- В Центральной Азии только Таджикистан имеет неоднозначный опыт деятельности легальной политической партии религиозного типа. Однако тенденция секьюритизации ислама привела к тому, что на сегодняшний день легальное участие таких организаций в политической жизни общества Таджикистана стало невозможным. Таким образом, во всех странах региона в настоящее время деятельность политических партий религиозного толка законодательно запрещена.
- Также идет процесс регулируемого развития образовательной сферы. Данная тенденция приобретает все большее значение в контексте усиления глобальной интеллектуальной и информационной борьбы, в том числе в сфере получения знаний и понимания ислама.
- Актуальность проблематики вызовов и угроз, которые появляются как побочный эффект реисламизации, предопределяет секьюритизацию ислама в государственной политике. Это, в свою очередь, порождает вопрос о необходимости мер по регулированию религиозной сферы со стороны государства и нахождения принципов и основ взаимного доверия между исламом и государством.

Примечание. Фото на обложке: город Ош, главная площадь, 24 июня 2017 г.

Это и большинство других фото заимствованы из Интернета. Авторы - пользователи «Фейсбука».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Эльмира Ногойбаева, (Кыргызстан, Бишкек), руководитель Аналитического центра “Полис Азия” (Кыргызстан). Эксперт в области сравнительной политологии и политической антропологии, проводила исследования постконфликтных событий на юге Кыргызстана 2010-2011 г., участвовала в подготовке социально-политического прогноза – Кыргызтани регион с 2007, идентичность политических партий КР.

Тамерлан Ибраимов (Кыргызстан, Бишкек), председатель правления в Центре политико-правовых исследований, получил образование в Кыргызском Национальном Университете по специальности юриспруденция. Имеет степень Мастер права (LLM), Вашингтонский Колледжа Права, Американский Университет в Вашингтоне, округ Колумбия, США. Имеет степень кандидата юридических наук.

Абдугани Мамадазимов, (Таджикистан, Душанбе), председатель Национальной ассоциации политологов Таджикистана, доцент кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета, кандидат политических наук. Автор 4 научных монографий и более 50 научных и научно-аналитических статей в национальных и зарубежных печатных изданиях.

Фарход Толипов, (Узбекистан, Ташкент), директор негосударственного образовательного учреждения «Караван знаний». Политолог, имеет степень PhD в области политических наук, специализируется в вопросах международной и региональной безопасности, современной геополитики, региональной интеграции в Центральной Азии. Автор более 130 научных публикаций и 1 монографии.

Санат Кушкумбаев, (Казахстан, Астана), политолог, доктор политических наук. Работал в аналитических центрах и университетах, внешнеполитическом ведомстве Казахстана. Сфера научных интересов - проблемы внешней политики, международных отношений, регионального сотрудничества и безопасности в Центральной Азии.

Сардор Салимов, (Узбекистан, Ташкент) главный редактор онлайн-платформы «Taraqqiy», ранее работал в качестве эксперта для международных организаций и политических партий. С отличием окончил Манчестерский университет и имеет степень магистра в области управления и государственного управления.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**Центральная Азия:
пространство «Шелковой демократии».
Ислам и государство.**

Авторский коллектив:

Эльмира Ногойбаева, политолог (редактор)

Санат Кушкумбаев, доктор политических наук

Фарход Толипов, кандидат политических наук (PhD)

Абдугани Мамадазимов, кандидат политических наук, доцент

Тамерлан Ибраимов, кандидат юридических наук

Сардор Салимов, политолог

Татьяна Панченко – корректор

*Подписано в печать 25.08.2017 г. Печать офсет.
Гарнитура «Minion Pro». Формат изд. 60x84/8. Бумага офсет.
Объем 6,5 усл. печ. л. Тираж 250 экз.
ИП Волкова Н.А., г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1.
Тел. 8(727)330-03-12, 330-03-13.*